

Большакова Анастасия Сергеевна

студентка

ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

DOI 10.31483/r-101379

ПРОЛЕГОМЭНЫ К ФЕНОМЕНОЛОГИИ САМОУБИЙСТВА

Аннотация: в статье представлена попытка рубрицировать феномен самоубийства. Типология может выглядеть таким образом: биологизаторский тип – неосознанный, направленный на выживание вида; биологический – своеобразное переходное звено, осознанный тип суицида, но выступающий также залогом сохранения вида (человек); жертвенный, транслирующий способ нового бытия тип (представлен жертвенностью с целью искупления и подтипом Героя на примере Данко); параллельно с последним типом самоубийства стоит рассматривать некрофильский тип личности (характера) (Э. Фромм), выливающийся в антижертвенный тип суицида. Следующий тип, следуя выстроенной иерархии – самоубийство Бога (убийство – это диктатура нового типа мышления, нового типа отношений); затем – самоубийство по А. Камю – такое самоубийство, которое парадоксальным образом само является выбором жизни, неминуемо приводящей к смерти («отложенная» смерть). Финальным типом может являться чистый вид самоубийства, иными словами, самоубийство ради самоубийства; параллельным типом к нему стоит считать шопенгауэровский (суицид как мотив желания зла другим, переживающим мою смерть, включающий в себя также и самообманнный мотив желания блага другим), «самоубийство» в слиянии с Другим, что на самом деле есть воскрешение.

Ключевые слова: самоубийство, смерть, жертвенность, жертвоприношение, некрофильский тип личности.

*«Познание самого себя всегда обходится слишком дорого, как, впрочем, и познание вообще. Когда человек доберётся до глубин, ему не захочется жить»,
Эмиль Чоран [22].*

*«Жизнь потеряется в смерти, реки – в морях, знакомое – в неизвестном»,
Жорж Батай [3].*

Проблема смерти и самоубийства рассматривается рядом наук – философией, медициной, уголовным правом, клинической психологией, персонологией и т. д. Экзистенциальный анализ такого феномена как смерть дает возможность рассуждать о ней с двух позиций: с одной стороны, смерть – неотвратимая неизбежность и таковой осмысливается человеком, она является онтологической данностью, без которой жизнь человеческого существа теряет многие, если не все, значимые характеристики; другую сторону вопроса отображает проблема суицида – то есть смерти как осознанно выбранной возможности (или в качестве жертвоприносительного акта). В последнем аспекте огромную роль играют произведения, оказавшие значительное влияние на современную танатологию (и суицидологию): Жорж Батай («Слёзы Эроса», «Внутренний опыт»), Морис Бланшо («Смерть как возможность», «Опыт-предел»), Жак Деррида («Дар смерти», «Апории»), Александр Кожев («Идея смерти в философии Гегеля»), Габриэль Марсель («К трагической мудрости и за её пределы»), Жан-Поль Сартр («Бытие и Ничто»), Мартин Хайдеггер («Бытие и время»), Альбер Камю («Миф о Сизифе») и др.

Дать точное определение понятию самоубийство достаточно сложно, так как для конкретной науки оно будет свое. В широком смысле – это собственно-ручное лишение себя жизни, а в узком (как трактуют данный термин суицидологи) – результат проявления дееспособной воли, когда страдающим лицом выступает активно действующий субъект, который знает об ожидающих его результатах и сознательно выполняющий план насилия в отношении себя [2]. Ключевым словом в этом определении будет слово «сознательно», что можно связать с философским пониманием феномена самоубийства. Как правило, в европейской и многих других культурах тема смерти является табуированной, и о

конечности жизни не принято думать. Тема суицида в коллективной ментальности также по большей части на сегодняшний день не одобряется (подстрекательство к суициду – уголовно наказуемое деяние, положительная оценка суицида также является неприемлемой [19]). Ранее в некоторых странах самоубийство было «нормальной практикой», например, в Японии это считалось почетной смертью (харакири), что до сих пор позволяет говорить о наличии в этой стране культуры самоубийства. В современной Японии широко распространился другой термин – кароси, который в прямом смысле означает «смерть от переутомления на работе». Массовые самоубийства стали повсеместными, что привело к особой антисуицидальной политике. Тем не менее, количество смертей по собственной воле остался высоким, и большую известность приобрело место Аокигахара – лес самоубийц, популярное место для сведения счетов с жизнью, в котором ежегодно находят от 70 до 100 тел. Помимо этого, в некоторых архаических культурах, в дохристианскую эпоху самоубийство не считалось чем-то аморальным, оно являлось следствием рационального выбора (самоубийства у гиперборейцев, норманнов и т. п.). Сказание о Туле, описанное Плинием Старшим в «Естественной истории», также подчеркивает это: «Умирают они (гиперборейцы) только тогда, когда устают жить: после пира и устроенных в последние часы старости увеселений, они прыгают с какой-нибудь скалы в море; для них это самое лучшее место погребения» [13].

Постараемся рубрицировать феномен самоубийства. Рассматривая суицид как осознанно выбранную самим человеком возможность, стоит задуматься о том, насколько этот путь действительно выбран – возможно, этот выбор мнимый, и навязан он вполне естественными, биологически обусловленными процессами. Тогда, если следовать идее о том, что самоубийство человека – тенденция, естественно протекаемая и как бы заложенная генетикой, нельзя ли утверждать, что это скорее норма, нежели девиация? Чтобы разобраться в данной проблеме, обратимся к исследованию В.П. Скулачева под названием «Феноптоз, или Запрограммированная смерть организма» [17] и откроем тем самым начало типологии самоубийств живого организма.

Еще в древности римский врач Гален ввел понятие апоптоза, что дословно можно перевести как «листопад» – данный термин описывал процесс, который объясняет осеннее опадание листьев с деревьев. Гален обратил внимание на то, что листья опадают только с живых деревьев, с мертвых же или сломанных – нет, из чего ученый сделал вывод о своеобразной «запрограммированности» отмирания листьев. Скулачев рассуждает о том, что на сегодняшний день механизм данного явления прозрачен: клетки, которые формируют основание черешка листа, совершают акт самоубийства, уменьшая прочность крепления листа к ветке и позволяя ему опасть. Но подобный механизм может происходить не только в клетках растений, но и в животных клетках, более того – он присущ и человеку, понятие апоптоза стало общеупотребимым, обозначающим запрограммированную смерть клетки [17].

«Апоптоз – это сложный процесс, жестко регламентированный во времени и пространстве. Его осуществляет большая группа белков, специально созданных в ходе эволюции. При апоптозе клетка разбирает составляющие ее биополимеры (белки, нуклеиновые кислоты и т. д.) на мономеры, которые затем используются другими клетками», – пишет Скулачев [17]. Помимо этого, он объясняет, что программы самоликвидации существуют на субклеточных и надклеточных уровнях: так, например, самоубийство митохондрий, названное исследователем митоптозом, происходит в тех случаях, когда митохондрия начинает производить из кислорода не H_2O , а супероксид O_2 , который предшествует достаточно ядовитому гидроксильному радикалу $OH\cdot$. Возникновение $OH\cdot$, таким образом, активирует программу, которая вызывает самоликвидацию такой митохондрии. Тогда нельзя ли говорить о том, что самоубийство животного и человеческого организма – это только работа заложенной природой программы? Согласно некоторым исследованиям, данный процесс можно обозначить как феноптоз [17]. И несмотря на то, что данный процесс наносил бы огромный урон для популяции животных, его чаще рассматривают иначе – как способ очистки группы от приносящих вред или лишних организмов. Так Скулачев приводит в пример самоубийства кишечной палочки и пневмококка: в первом случае – это способ

сохранить безопасность популяции от засорения генетическим материалом с дефектами, если кишечная палочка не в состоянии удалить неисправность в своей ДНК; во втором же – уничтожаются пневмококки, зараженные пенициллином, который несет в себе угрозу прекращения размножения вида. В пример можно привести многие массовые самоубийства животных (от насекомых (муравьи) до крупных млекопитающих (китов)). Скулачев полагает: «Для спасения от подобных катастроф природа, по-видимому, изобрела некий механизм, который я назвал «самурайским законом биологии». Вкратце он звучит так: «Лучше умереть, чем ошибиться» [17]. А более подробно – «Любая достаточно сложная биологическая система (от автономной органеллы вроде митохондрии и выше) располагает механизмом самоликвидации. Она кончает с собой, если становится потенциально опасной для существования системы, занимающей более высокую ступень в иерархии жизни» [17]. Данный тип самоубийства можно назвать *биологизаторским* (неосознаваемое (бессознательное) самоубийство ради выживания вида).

Тем не менее, как бы сложно ни были устроены кишечные палочки и пневмококки, их устройство несравнимо с устройством человеческого организма. Впервые в 1881 году Август Вейсман выдвигает идею о запрограммированности старения как завершающего этапа онтогенетического развития человека: «Я рассматриваю смерть не как первичную необходимость, а как нечто, приобретенное вторично в процессе адаптации. Я полагаю, что жизнь имеет фиксированную продолжительность не потому, что по природе своей не может быть неограниченной, а потому, что неограниченное существование индивидуумов было бы роскошью без какой-либо проистекающей из нее выгоды... Изношенные индивидуумы не только бесполезны для вида, но даже вредны, поскольку они занимают место тех, кто здоров» [17]. Данная гипотеза была подвергнута критике в связи с тем, что большинство организмов в естественных условиях умирают еще до того, как успевают состариться, следовательно, описанный механизм практического значения для вида не несет, он не мог быть отобран эволюцией. Самые распространенные смертельные заболевания людей – инфаркт и инсульт, развиваются

стремительно и чаще всего приводят к летальному исходу. Они напоминают феноптоз при септическом шоке, когда происходит катастрофическое распространение апоптоза среди клеток, которые образуют жизненно важные органы. Таким образом, ишемические болезни сердца реализуют программу самоубийства [17]. Скулачев, вводя термины апоптоз, митоптоз и, наконец, феноптоз, подводит итог своему исследованию, называя последний вредным атавизмом, который, хоть и полезен в агрессивных условиях окружающей среды для выживания и эволюции сообществ организмов, для человека несет только вред, так как люди выстраивают свою жизнь с учетом наименьшей зависимости от внешних условий. Возвращаясь к вопросу собственного выбора человека покончить с собой, стоит попробовать описать это в подобных терминах. Инфаркты, инсульты и прочее, какой бы важной, масштабной и не всегда предотвратимой эта проблема не была, не совсем вписываются в общую картину самоубийства – данное понятие выступает в этом контексте скорее в форме метафоры. Это не самоубийство в экзистенциальном, метафизическом, философском ключе. Но можно предпринять попытку провести и обратную метафоризацию с заимствованием биологических терминов: что, если сознательный, обдуманый человеком суицид – своеобразный феноптоз в сознании? Рациоптоз? Предположим, возможно называть такой тип «самоубийства» *биологическим* – осознаваемым индивидом, направленным на то же самое выживание, очищение вида.

В данном ключе кажется возможной постановка вопроса: «Действительно ли культура является чем-то свехприродным (надприродным), и такой ли выраженный конфликт между природой и культурой?». Самоубийство в этом вопросе может выступать в качестве, если не разрешающего пункта, то, по крайней мере, способного чуть более прояснить вопрос. Суицид – некое природное начало, природное наследие, но уже кодифицированное культурой, а не хитросплетением генов. Именно это дает возможность рассуждать о биологическом типе самоубийства.

Человек – существо нецелостное, он только стремится различными способами эту целостность «собрать» или обрести. Целостность – это всегда

определенная устойчивость, автономность, исключительность, но в то же время замирание и зацикливание. Целое как субстанция исключает всё, иное себе, но в себе не исключает ничего, находя место всему наличному. Так, например, Мир, согласно В.В. Бибикину, есть целое, единство всего, «просто всё, взятое в целом, без исключения» [5]. Целое неизменно и статично, целостность – полная внутренняя интеграция, что свидетельствует о скорее положительной коннотации. Тем не менее, это есть замкнутость на самого себя, а, соответственно, и безжизненность, атомизированность, монадность, онтический эгоизм. В религиозном аспекте целостность – это отпадение от Бога, отказ от со-общения с Ним как трансцендентным Источником бытия, следовательно, метафизическое начало разложения и гибели [1]. Целостность, таким образом, есть оконченность, завершённость, смерть. Она свидетельствует о том, что выход из монадности перестал быть возможным, существование (трансцендирование наличного) прекратилось. Смерть вызывается (программируется?) именно «независимым одиночеством цельности» [4]. В стремлении к стабильности, целостности и гармонии, человек, по крайней мере несознательно достигает скорее не-стабильности. «Ирреальность, – утверждает Бланшо, – начинается вместе с целостностью» [6]. Существование не может быть представлено неким устойчивым «что», оно всегда открыто и всегда под угрозой. Существование происходит как трансцендирование наличного, но поскольку оно само «есть» трансценденция, постольку оно направлено «за пределы самого существования» [7] за пределы самого себя, что не позволяет «полагать» существование, не даёт его «схватывать». Переход за такие пределы – это трансгрессивный акт, и высшей точкой трансгрессии можно считать самоубийство (согласно Ж. Батаю, «жертвоприношение, в котором раскрывается созидание, созидание через деструкцию, преодоление себя, что и является выходом за предел, то есть не уходом из жизни, а игрой со смертью, начав которую, человек «вырывается» из существования. А сама смерть – сила, которая дает волю к путешествию за край» [3]). Эта экстатичность, как в существовании, так и в смерти предоставляет человеку возможность погружения в имманентное – это не переход от жизни к смерти; оно совершается как

превосхождение порядка указанного перехода, но при этом такое «превосхождение, в котором обнаруживается возможность собственного обрыва» [1]. Иными словами, это другой тип самоубийства – *жертвенный* (героический, жертвоприносительный, самодарящий). М. Горький был одним из писателей, чьи произведения наполнены героико-романтической символикой и ницшеанскими мотивами, и его персонаж Данко лучше всего иллюстрирует именно героический тип самоубийства. В качестве протеста против Тьмы, Данко, образ «надмирного», «очищенного» (сверх)человека, вырывает собственное горящее сердце, освещая другим путь. Он демонстрирует жизнь с людьми и для людей, смерть ради других – это героическое самоубийство. В пример к этому типу суицида можно взять и Жертву, но немного другого порядка, встречающуюся у уже упомянутого Ж. Батай в идее тайного общества Ацефал. Так называемая «теория дара» – попытка умилостивить богов, «кормление» умерших предков, знак преклонения перед божеством, использование мощного выброса энергии в магических целях (по М. Элиаде) – это все тот же жертвенный тип самоубийства, с оттенком скорее не геройства, а искупления, посвящения и мистерии. Члены круга (Ацефал) ставили своей задачей принесение в жертву одного из Посвящённых, и задача эта не была реализована (все хотели быть жертвой, но никто не хотел быть палачом). «Ритуал жертвоприношения должен был исторгнуть жертву из профанного мира и водворить её в суверенный мир богов, дабы она не была сведена к вещи и сохранила свою сокровенную природу» [18]. «В некотором смысле труп – совершеннейшее утверждение духа. В непоправимом бессилии и отсутствии мертвеца проявляется сама сущность духа, так же как вопль убиваемого есть высшее утверждение жизни», – пишет Батай, тем самым делая Смерть силой не только разрушающей, как принято полагать, но и халкионической (от греч. «халкейо» – «ковать, быть кузнецом») [18]. Таким образом, можно сказать, что жертвенный тип самоубийства включает в себя как *подтип, связанный непосредственно с жертвоприношениями*, так и *подтип Героя*.

Следующим типом самоубийства можно назвать «*самоубийство Бога*», которое, согласно Х.Л. Борхесу, есть средство постижения высшей мудрости

(Один) или достижения высшей цели (Христос, в некоторой степени – Аттис [8]). Это, как можно выразиться, своеобразное «падение вверх» [14], это открытие и приобщение к новому типу мышления и новому типу отношений. Добровольное принесение чего-то ценного (себя) в Жертву ради важной цели, ради ее достижения широко освещается в кинематографе, и пример тому – современные детективные киноленты (сериал «True Detective» (2014–2019), в котором главные герои «умирают» как служители закона, но перерождаются как личности, как люди; главный герой Коул – образ «умирающего и воскресающего бога»).

Параллельно стоит рассмотреть понятие некрофильского типа личности, предложенное Э. Фроммом, который отмечал растущую деструктивность человеческого характера. Некрофильский тип характера – это крайняя форма в стремлении превратить все живое в неживое, это разрушение ради разрушения [20]. Такие разрушения – аутодеструктивное поведение, основным вектором, или, лучше сказать, подлинным венцом которого является стремление к самоуничтожению – самоубийству. В данном контексте интересным будет утверждение Фромма о том, что некрофилы (в несексуализированном смысле) воспринимают в качестве подлинной, или наиболее ценной, важной реальности только прошлое, а не настоящее и будущее, так как последние живые, длящиеся, в то время как прошлое – мертво, статично, (фетишизировано, опредмечено), податливо (можно переписать историю, но не настоящее и будущее). То, что было, господствует над тем, что будет, обладание превосходит бытие [20]: вероятно, человек, воспринимающий только свое прошлое Я (нарциссический тип личности) без возможности ощутить «живую длительность», в значительно большей мере подвержен желанию «застыть» в самосозерцании (нарцисс), а следовательно, прекратить существование. Своеобразное отсутствие Жертвы в некрофильском типе личности позволяет установить еще один тип самоубийства – *антижертвенный*. Некрофил запускает механизм суицида в следствии того, что не видит (не слышит) Другого; некрофил не может и не хочет открыться миру. В мире он видит только себя (а не Других). Именно поэтому в качестве примеров Фромм, в том числе, приводит образы диктаторов (Гитлер и Сталин [20]), не видящих других,

адресующих Другим лишь свою волю и видящих лишь свою волю; резонно сравнивая их с маньяками, так же получающих удовольствие от насаждения своей воли, овеществляющих Других (убивающих других в своей «подлинной» тяге к самоовеществлению. Можно предположить, что некрофильский тип характера рассмотренных Фроммом лидеров объясняет благосклонное принятие вождями постановкой им прижизненных памятников – это историзация, фетишизация самих себя. Антижертвенный тип самоубийства заключается в непонимании личностью Диалога, в отсутствии открытости. Застывая в недвижимом, статичном состоянии, закрываясь, как бы «схлопываясь» в себя, человек позволяет своему внутреннему Я, Другому, длительному, как бы собирать себя из частей. Некрофил таким образом существовать не может – он застывает в состоянии самозерцания, в нарциссичном акте наблюдения мира только лишь сквозь призму своего замершего Я. Человек, таким образом, теряет внутреннее ощущение, наполнение, теряет свою волю – то есть как бы «консервирует» реальность вокруг себя, и, если он не имеет возможности обрести некую динамичность, живость (опять же, длительность), то активизируется тот самый механизм самоликвидации. Вероятно, человек не осознает по началу запуска такой программы, он теряет себя сходно тому, как пациенты с особым типом амнезии теряют память, не понимая этого («Существует тип внезапной амнезии, отличие которого состоит в том, что забывание не глобально, а связано с определенным видом ощущений. Так, например, острый тромбоз нарушил кровоснабжение задней части мозга одного пациента, что привело к мгновенному отмиранию тех его отделов, которые отвечают за обработку зрительной информации. В результате пациент ослеп, но не знал об этом. Он ничего не видел – и при этом ни на что не жаловался. Его центральная нервная система, точнее, кора его головного мозга ослепла, но, как показали расспросы и обследование, он одновременно утратил всякую способность к формированию зрительных образов и зрительную память. При этом у него не возникло никакого ощущения потери. Он лишился самой идеи зрения и не просто не мог описать никаких визуальных впечатлений, но совершенно не слова «видеть» и «свет». По сути дела, он превратился в

невизуальное существо» [16]). Потеряв полностью внутреннее наполнение, сохранившись в виде «оболочки», «замерзшего Я», и не обретя при этом длительности, человек может совершить самоубийство.

Стоит отметить, что самоубийство рассматривается экзистенциальным направлением философии как выбор, как свобода, и сама смерть представляется как наиболее явное выражение свободы. Выше речь шла о запрограммированности, о некоем механизме, который осознанный, казалось бы, выбор делает иллюзорным (можно добавить к примерам такие явления, как викинги и вальхалла, сознательная смерть). Человек, находясь в условиях экзистенциальной изоляции, бесконечной отъединенности от мира, испытывает определенный кризис, кризис всего существования, что зачастую подталкивает его к совершению самоубийства. Вероятно, такой экзистенциальный крах, такое «независимое одиночество цельности», отмирание последних «клеток» причин жить – и можно называть своеобразным «рациоптозом». Смерть – не есть свобода (?). Подробнее рассматривая данный вопрос, стоит вспомнить идеи, например, уже упомянутого выше М. Бланшо. Свобода как тотальный разрыв со всем выражается выходом в чистое ничто, такая свобода негативна – философ стремился обосновать новую метафизику, основанную на «энергии тотального, неустанного отрицания» [11], что затем осуществляется в трудах Т. Адорно («негативная диалектика»). Так, Бланшо приходит к выводу, что смерть есть высшее завершение свободы. «В смерти заключена суверенность человека, свобода – это смерть» [9]. Тем не менее, свобода есть не смерть, а возможность смерти. Человек помещает себя в замкнутое пространство наличного, утверждая смерть в качестве своей единственной возможности, а себя полагая как бытие-к-смерти. Бытие-к-смерти не может быть свободой от смерти: «Человеку не дано выбирать – быть смертным или бессмертным» [12]. Л. Витгенштейн определяет Я без опоры на сознание, мышление, волю, то есть определяет его как «мой мир», как бы вычеркивая из данного понятия человеческие аффекты: страх смерти, поиски смысла жизни. Жизнь – это связь Я и мира, которую невозможно преодолеть, «и только мятущееся сознание воображаемого субъекта вырывает Я из жизни, наделяя субъект страхами,

надеждами, волей к смерти или жизни» [15]. «Смерть – не событие жизни. Смерть не переживается. Если под вечностью понимать не бесконечную временную длительность, а безвременность (*Umzeitlichkeit*), то вечно живет тот, кто живет в настоящем» [15]. Утверждение «смерть не переживается» можно перевернуть – «смерть переживается в самой жизни», как бы абсурдно это не звучало. Мы подошли к еще одному типу самоубийства – *самоубийство по А. Камю* – такое «самоубийство», которое парадоксальным образом само является выбором жизни, неминуемо приводящей к смерти («отложенная» смерть). Здесь стоит вспомнить слова М. Хайдеггера: «Смерть в широчайшем смысле есть феномен жизни» [21].

Наконец, стоит предполагать, что есть и *чистый* тип суицида – самоубийство ради самоубийства. Без смысла, без конкретной цели, кроме умирания. Параллельно в один ряд с таким типом представляется возможным поместить «*шопенгауэровский*» тип: суицид как мотив желания зла другим, переживающим мою смерть, включающий в себя также и самообманнный мотив желания блага другим. Но так или иначе, ишемические болезни сердца или самоубийство, у человека нет иного выхода, кроме смерти. Можно предположить, что, как судьба языка – отделиться от тела (Ж. Деррида), так судьба человека – отделиться от самого себя в слиянии с Другим, чтобы «отсрочить» смерть. *Обретение нового Я в контакте с Другим – это «самоубийство» через обращение к недоступному радикальному опыту Другого.*

В заключение, хочется отметить, что самоубийство, к какому бы типу оно не относилось (за исключением разве что биологизаторского типа) – это всегда бегство. Бегство от самого себя, от уродства мира, бегство для спасения себя (искупление), других людей (геройство), для поиска чего-то высшего («самоубийство Бога»), бегство с любой иной целью, но всегда – *бегство*. Стоит помнить, что бегство – не всегда спасение, и в конечном итоге оно может привести тебя к тому, от чего ты бежишь – к тебе самому.

Список литературы

1. Аванесов С.С. Вольная смерть. Основания философской суицидологии. – Томск: Томский государственный университет, 2003. – 396 с.
2. Алиев И.А. Актуальные проблемы суицидологии. – Баку, 1987.
3. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аxiома/Мифрил, 1997. – 52 с.
4. Бердяев Н.А. О самоубийстве. Психологический этюд. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 24 с.
5. Бибахин В.В. Мир. – Томск: Водолей, 1996 – 144 с.
6. Бланшо М. Смерть как возможность // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. 3. – С. 312.
7. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. – СПб.: Лань, 1999. – 222 с.
8. Борхес Х.Л. Четыре цикла // Борхес Х.Л. Сочинения: В 3 т. Т. 2. – Рига, 1994. – С. 259–260.
9. Демичев А.В. Дискурсы смерти: Введение в философскую танатологию. – СПб.: Инапресс, 1997. – 144 с.
10. Деррида Ж. Дар Смерти (часть 1) // Теория культуры и философии науки. – 2002. – №552/1. – С. 120–152.
11. Зенкин С. Морис Бланшо: отрицание и творчество // Вопросы литературы. – 1994. – Вып. 3. – С. 170–191
12. Краснухина Е.К. О смысле конечного существования (проблема смерти в экзистенциализме М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра) // Вестник ЛГУ. Серия 6. – 1991. – Вып. 1. – С. 12–18.
13. Маркаль Ж. Тайна святого Грааля: от Ренн-ле-Шато до Марии Магдалины. – М.: Евразия, 2007. – 160 с.
14. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 234–235.
15. Родин К.А. О (не)возможности самоубийства в философии XIX и XX веков // Идеи и идеалы. – 2015. – №1 (23). – С. 72.
16. Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. – М.: АСТ, 2015. – 352 с.

17. Скулачев В.П. Феноптоз: запрограммированная смерть организма // Биохимия. – 1999. – 64 (12): 1418–1426.
18. Сперанская Н. Трансгрессивный опыт Жоржа Батая. Лекция №1 (цикл Сакральная социология). – М.: Евразийское Движение, 2012. – 290 с.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. от 2 авг. 2019 г.). Ст. 110.
20. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2017. – 736 с.
21. Хайдеггер М. Бытие и Время. – М.: Академический проект, 2015. – С. 246.
22. Чоран Э. Испытание существованием / пер. с фр., предисл. В.А. Никитина, ред., примеч. И.С. Вдовиной. – М.: Республика; Палимпсест, 2003. – 431 с.